

Аффективные основания вступления в спор

И. Б. Микиртурмов
 СПбГУ; НИУ ВШЭ — СПб
 imikirtumov@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются аффективные основания вступления в спор. Выделены два вида споров, определяющие различные группы аффектов: спор о путях к общему благу и спор о его содержании. Показано, что в последнем случае действует аффект представительства, интенсивность которого зависит от высоты порога вступления в спор. Устранение такого порога снижает интенсивность аффекта представительства, что ведёт к превращению этого спора в спор о путях к благу, которое, однако, понимается расширенно. DOI: 10.52119/LPHS.2024.31.68.009.

Ключевые слова: спор, аффект, общее благо, представительство.

Entry into a Dispute: Affect

Ivan B. Mikirtumov
 St Petersburg University; Higher School of Economics—St Petersburg

Abstract. Affective reasons for entering into a dispute are considered. Two types of disputes are identified that define different groups of affects: a dispute about the paths to the common good and a dispute about its content. It is shown that in the latter case there is an affect of representation, the intensity of which depends on the threshold for entering into a dispute. The elimination of such a threshold eliminates the affect of representation as its motive, which requires turning this dispute into a dispute about the paths to the good, which, however, will be understood in a broadened way.

Keywords: dispute, affect, common good, representation.

В «Никомаховой этике» Аристотель говорит: «никто не принимает решений о том, что может быть иначе» (NE 1139a 14) [1, с. 173]. Эта мысль присутствует и в IX главе трактата «Об истолковании», являясь прагматическим аргументом в пользу случайности некоторых обстоятельств будущего. Далее сказано, что «сознательный выбор невозможен помимо ума и мысли, ни помимо нравственных устоев» (NE 1139a 32–34) [1, с. 174]. Это значит, что, когда мы реализуем своё стремление к счастью, мы опираемся на знание, отталкиваясь от него, рассчитываем, какой вариант действий является оптимальным, после чего формируем намерение и принимаем решение о действии (NE 1139a 8–26). Коль скоро споры составляют часть того взаимодействия агентов, которые у Аристотеля осуществляют политику как общение свободных граждан с целью достижения общего блага, участие в них должно подчиняться описанной схеме. К ней следует добавить еще и страсти, или аффекты, — «все то, под влиянием чего люди изменяют свои решения» (Rhet. 1378A 8) [2, с. 72]. Специфику аффекта применительно к вступлению в спор я и хочу здесь прояснить.

Ядром аффекта является модуляция переживания — позитивная или негативная, т. е. удовольствие или страдание, возникающее по тому или иному поводу. Таковым является положение дел — прошлое, настоящее или возможное в будущем. Третьим компонентом является набор пропозициональных установок — знание, мнение, вера, желание, которые когнитивно репрезентируют положение дел и обеспечивают «расчеты», связанные с его удержанием, если оно желательно, или, наоборот, с избавлением, если оно причиняет страдание. Четвёртым компонентом становятся намерение совершить действие вообще и решение о нём, принимаемое в конкретной ситуации. Они обеспечивают разрешение, или снятие, аффекта, которое должно завершить цикл переживаний, вызванных названным положением дел.

Спор, имея своей институциональной целью совершение действия, развёртывается в трёх стадиях: спор о повестке, спор по существу и де-libерация о действии. Каждый раз определённые угрозы, оцениваемые как мой возможный совокупный проигрыш, подталкивают меня принимать или не принимать участие в споре. Предпочтение блага и избегание зла — это моральное измерение, выигрыш и проигрыш — экономическая метафора, но работающая более эффективно. Дело в том, что моральные понятия увязывают мои действия с концепцией справедливости, разделяемой группой, к которой я принадлежу, игнорируя при этом благо или зло для меня как индивида. Для античных представлений о добродетели тут не возникало затруднения, и личная жертва ради общего блага рассматривалась как реализация счастья. Но если ставится под сомнение сама концепция справедливости, скажем при её сопоставлении с альтернативными, то именно я сам становлюсь инстанцией выбора между ними, и у этого выбора нет иного основания, кроме экономического подсчёта выгод и издержек в моём внутреннем обороте аффектов.

В теории аффектов существует точка зрения, согласно которой в их структуре когнитивные, т. е. доступные осознанию, элементы соседствуют с некогнитивными, т. е. имеющими инстинктивные, витальные основания, сформировавшиеся в процессе эволюции [3; 4]. Если этот так, то аффективный мотив вступления в спор хотя бы там, где речь идёт о самих концепциях справедливости, должен отличаться от мотива вступления в спор в том случаях, когда такая концепция разделяется всеми его участниками. Назовём спор, в котором участники не придерживаются общей концепции справедливости, *спором о содержании общего блага*, а спор, в котором такая концепция разделяется участниками, — *спором о путях к общему благу*.

Аффекты, побуждающие вступать в спор о путях к общему благу, — это благорасположенность к членам сообщества, дружелюбность, соревновательность в гражданских добродетелях, страх, связанный с теми или иными общими опасностями, негодование при виде несправедливостей. Эти аффекты описаны во II книге «Риторики» Аристотеля, и их же мы обнаруживаем в современных теориях коммуникативной политической организации, начиная с Ханны Арендт и заканчивая Юргеном Хабермасом.

Но аффекты, побуждающие к вступлению в спор о содержании общего блага, имеют иную природу. Любая практика дискриминации, эксплуатации и подавления опирается на политико-антропологическую теорию, так что спор о содержании справедливости и блага — это политическое столкновение в пространстве теории и идеологии. Какие аффекты мотивируют вступать в такого рода споры? Предположу, что главным является описанное Максом Вебером представительство [5], на одной стороне которого находится политик или активист, а на другой — представляемые, — группа, возможно, воображаемая, или же нечеловеческая сущность — природа, история, культура, истина, божество и пр. Представитель принимает на себя долг служения, который является осмысленным в той концепции справедливости, которая им отстаивается, симметричным же отношением со стороны представляемых является доверие к представителю, которое также может быть воображаемым. Представитель полагает, что конституирует представляемых в той степени, в какой выполняет свой долг, и это иногда соответствует действительности. Следует отметить, что представительство имеет черты истерической аффектации и поэтому не работает в споре о путях к благу, которые, хотя их также ведут представители, имеют институциональный характер и не требуют глубокой личной вовлеченности. Во внутренней экономике аффекта представительства проигрышем становится любой частный случай отклонения от отстаиваемой концепции справедливости.

Аристотель замечает, что «истина и справедливость по своей природе сильнее своих противоположностей» (Rhet. 1355a 12) [2: 17], т. е. что при условии одинаковой опасности для всех членов сообщества стать жертвами лжи или несправедливости люди будут систематически склоняться к истине и справедливости, как они их понимают. В случае представительства контроль за следованием им целиком перекладывается на представителя, особенно там, где представляемые почем-либо безгласны.

Возможен ли вообще спор между двумя версиями общего блага или справедливости? Условием его является наличие третьей стороны, т. е. убеждаемой аудитории. Спор о природе общего блага всегда тертиарный, поэтому согласиться на него означает признать свою версию справедливости лишь одной из версий. Для инстанции, контролирующей дискурс, это, как правило, неприемлемо, как, впрочем, и для радикальной инициативной группы. Тем ни менее споры ведутся. Их делает возможным эмансипация третьей стороны, которая однажды получает право выбирать версии справедливости. Здесь аффект представительства и соответствующее отношение получают легитимацию вне связи с содержанием представления о справедливости и характером представляемого. Порог вступления в спор о содержании общего блага тем самым снижается, но снижается и интенсивность отношения представительства, переживания долга. Возможность спора о содержании общего блага находится, следовательно, в обратной зависимости с интенсивностью аффекта представительства, а значимость вступления в такой спор падает с возрастанием его доступности. Свободный доступ к дискурсу общего блага лишает потенциальных участников споров о нём достаточной аффективной мотивации, поскольку он будет означать признание права на выдвижение для публичного обсуждения версий общего блага, основанных на произвольных установках, и сведение общего блага к мнению большинства. С этим не могут быть согласны ни теоретики антропологических различий, ни практики социального управления, ни представители, служащие одной из версий блага. Во что же тогда превратится спор об общем благе? Либо это будет спор не всерьёз, ученические дебаты, либо он будет деполитизирован и превращён в спор о путях к общему благу. Содержание его должно быть в этом случае расширено, и пользователями общего блага должны быть признаны как упомянутые выше нечеловеческие сущности, так и всё, в отношении чего возникает отношение представительства.

Литература

1. Аристотель. Никомахова этика / пер. с др.-греч. Н. В. Брагинской. Аристотель. *Сочинения в четырёх томах*. Т. 4. М.: Мысль, 1983, с. 53–294.
2. Аристотель. Риторика / пер. с др.-греч. Н. Платоновой. *Античные риторики* / под ред. А. А. Тахо-Годи. М.: Издательство МГУ, 1978, с. 15–165.
3. Tomkins S. *Affect Imagery Consciousness. Vol. 1: The positive affects*. N.Y.: Springer, 1962.
4. Массуми Б. Автономия аффекта / пер. с англ. Г. Г. Коломийца. *Философский журнал / Philosophy Journal*, 2020, т. 13, № 3, с. 110–133.
5. Вебер М. *Политика как призвание и профессия* / пер. с нем. А. Ф. Филиппова. М.: РИПОЛ Классик, 2020.

Финансирование. Доклад содержит результаты исследований, выполненных в рамках проекта РНФ 20-18-00158 «Формальная философия аргументации и комплексная методология поиска и отбора решений спора» в Санкт-Петербургском государственном университете.